Фредерик Марриет

Маленький дикарь

Фредерик Марриет

Маленький дикарь

«Public Domain»

1848

Марриет Ф.

Маленький дикарь / Ф. Марриет — «Public Domain», 1848

«Я собираюсь написать весьма необыкновенную историю, с чем вполне согласится читатель, когда прочтет эту книгу. Существует целый ряд рассказов про взрослых людей, заброшенных на пустынные острова, и все они читаются с большим интересом. Но, мне кажется, я представляю собою первый пример мальчика, покинутого на необитаемом острове. Тем не менее все это действительно случилось со мной, – и я буду рассказывать не что иное, как собственную свою историю. Первые смутные воспоминания моего детства переносят меня на этот остров и вызывают в памяти моей образ человека, с которым я часто гулял по берегу моря. Во многих местах приходилось карабкаться с большим трудом по утесам, и спутник мой должен был перетаскивать меня на опасных местах. Он был очень груб и неласков со мною, что может показаться несколько странным, так как я был единственным его товарищем на этом острове. Но он вообще был мрачен, угрюм и груб по характеру. Ему зачастую приходилось просиживать целыми часами молча, прикорнув где-нибудь в углу нашей хижины. Иногда он целыми днями глядел на море, словно ожидая чего-то, – чего именно, я тогда не знал. Когда я спрашивал его об этом, он не отвечал и, если находился поблизости от меня, я обыкновенно получал подзатыльник…»

© Марриет Ф., 1848
© Public Domain, 1848

Содержание

Глава I 5
Глава II 8
Глава III 12
Глава IV 16
Глава V 19
Глава VI 24
Глава VII 27
Глава VIII 30
Глава IX 33
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Фредерик Марриет
Маленький дикарь

Глава I

Я собираюсь написать весьма необыкновенную историю, с чем вполне согласится читатель, когда прочтет эту книгу. Существует целый ряд рассказов про взрослых людей, заброшенных на пустынные острова, и все они читаются с большим интересом. Но, мне кажется, я представляю собою первый пример мальчика, покинутого на необитаемом острове. Тем не менее все это действительно случилось со мной, – и я буду рассказывать не что иное, как собственную свою историю. Первые смутные воспоминания моего детства переносят меня на этот остров и вызывают в памяти моей образ человека, с которым я часто гулял по берегу моря. Во многих местах приходилось карабкаться с большим трудом по утесам, и спутник мой должен был перетаскивать меня на опасных местах. Он был очень груб и неласков со мною, что может показаться несколько странным, так как я был единственным его товарищем на этом острове. Но он вообще был мрачен, угрюм и груб по характеру. Ему зачастую приходилось просиживать целыми часами молча, прикорнув где-нибудь в углу нашей хижины. Иногда он целыми днями глядел на море, словно ожидая чего-то, – чего именно, я тогда не знал. Когда я спрашивал его об этом, он не отвечал и, если находился поблизости от меня, я обыкновенно получал подзатыльник.

Воспоминания мои начинаются с того времени, когда мне было лет пять, а может быть и меньше. Я могу теперь восстановить все, что удалось мне услыхать и выведать от моего сотоварища в разное время. Не сразу узнал я, каким образом мы очутились в этом пустынном месте. Стоило мне это большого труда; он обыкновенно бросал в меня камнем, когда я задавал ему вопросы, т. е. в том случае, если я повторял вопрос после отказа с его стороны отвечать мне. Однажды, когда он лежал больной, мне удалось узнать кое-что, – и то лишь посредством отказа ухаживать за ним и приносить ему пищу и воду. Он страшно сердился и грозил отомстить мне, когда выздоровеет, но мне было все равно; я начал развиваться и чувствовать в себе некоторую силу, тогда как он слабел с каждым днем. Я его не любил, потому что никогда не видел любви от него. Этот человек относился ко мне всегда с большой строгостью и был груб и жесток со мной.

Вот что услыхал я от него: двенадцать лет тому назад (что такое «год» – я тогда еще не знал) английское судно (что значило «судно» – я также не знал) затонуло во время бури вблизи этого острова; семеро мужчин и одна женщина спаслись, остальные все погибли. Судно разбилось в щепки, и ничего не удалось спасти. Оставшиеся в живых собрали куски дерева, из которого был построен корабль, и соорудили из них ту хижину, в которой мы жили. Все они мало-помалу перемерли и были тут же похоронены. (Что значило умереть и быть похороненным, я в то время совершенно не понимал).

Я родился на этом острове. («Как же это я родился?» – задавал я себе вопрос.) Большая часть спасшихся от крушения умерли, когда мне не было еще двух лет, и на острове остались только я, моя мать и теперешний мой товарищ. Несколько месяцев спустя умерла и моя мать. Мне приходилось задавать ему множество вопросов, чтобы уяснить себе все, что я слышал. В сущности, я только впоследствии отдал себе отчет во всем, тогда же только наполовину понимал все то, что он мне говорил. Останься я на этом острове с другим человеком, я, конечно, многому бы научился из разговоров, но мой компаньон не любил говорить, и еще менее того – объяснять. Он звал меня просто «мальчик», а я звал его «хозяин». Его упорное молчание было причиной того, что я знал лишь весьма ограниченное количество слов. Кроме приказания сделать то или другое, принести нужное, он никогда ничего не говорил. Иногда, впрочем, хозяин

бормотал что-то во сне, тогда я старался не спать и чутко прислушивался в надежде что-нибудь узнать – конечно, не вначале, а когда стал постарше. Он вскрикивал: «Наказание, наказание за мои грехи, тяжкие грехи! Боже, будь милосерд!» Но что значило наказание за грехи, что такое «Бог», я тогда еще не знал, хотя и задумывался над словами, которые так часто слышал.

Теперь я опишу наш остров и расскажу, как проходила наша жизнь.

Остров был маленький, в нем не было, я думаю, и трех миль в окружности. Это была скала, к которой невозможно было пристать; море омывало его со всех сторон глубокими водами. Впоследствии я узнал, что он принадлежал к группе островов, на которые жители Перу присылают ежегодно корабли для собирания гуано морских птиц. Наш остров был меньше других и в некотором от них отдалении; гуано находилось на нем в меньшем количестве, поэтому им пренебрегали, и корабли никогда не подходили к нему. Нам видны были другие острова, но только в очень ясные дни, когда они обозначались на горизонте наподобие тучки. Берега острова были так круты, что пристать к ним не было никакой возможности, а постоянный прибой океана сделал бы невозможной всякую нагрузку корабля. Таков был остров, на котором я находился в обществе этого человека.

Наша хижина была построена из корабельных досок и леса и находилась под защитой утеса, на высоте пятидесяти ярдов над уровнем моря. Перед ней была площадка величиной приблизительно тридцать ярдов в окружности, а с утеса падала струя воды, которая стекала в углубление, нарочно для того выкопанное, и затем пробиралась на нижние утесы. Сама хижина была очень просторная и могла бы служить приютом для гораздо большего числа людей, но все же не была излишне велика, ввиду того что нам приходилось сохранять в ней провизию на многие месяцы. В хижине было несколько постелей, на одном уровне с полом. Устроены они были очень удобно и мягко с помощью птичьих перьев. Убранства никакого не было, за исключением двух или трех топоров, притуплённых от долгого употребления, оловянной кастрюли, небольшого ковшика и нескольких грубых сосудов для сохранения воды, выдолбленных из дерева. На вершине острова была мягкая поросль, и кустарник тянулся на некоторое расстояние по оврагам, которые спускались вниз, от вершины до берега. Одной из самых тяжелых для меня работ было карабканье по этим оврагам за дровами, но, к счастью, мы редко разводили огонь. Климат круглый год был теплый, и дождь шел редко; а если и шел, то большею частью попадал лишь на вершину острова и до нас не достигал. В известное время года в бесчисленном количестве прилетали птицы для вывода птенцов. Любимым местопребыванием их была сравнительно ровная (главным образом от накопления на ней гуано) площадка, отделенная от того места, где стояла наша хижина, глубоким оврагом. На этой площадке, величиною приблизительно в двадцать акров, морские птицы садились на яйца, в расстоянии не более четырех дюймов друг от друга, и все пространство было сплошь покрыто ими. Там они оставались от кладки яиц до того времени, когда птенцы могли оставить гнезда и улететь вместе с ними. В тот период времени, когда птицы прилетали на остров, у нас царили оживление, шум и суматоха, но после отлета вновь наступали тишина и одиночество. Я всегда с нетерпением ожидал их прилета и был в восторге от этой суеты, вносившей радость и оживление в нашу жизнь. Самцы летали по всем направлениям за рыбой, кружились в воздухе, издавая громкие крики, на которые отвечали самки, сидевшие на гнездах. Для нас это была самая горячая пора. Мы редко трогали старых птиц, – они в это время не были в теле, – но за несколько дней до того, как молодые птенцы готовились улететь из гнезда, начиналась наша работа. Невзирая на крики стариков, на их хлопанье крыльями и попытки клевать нам глаза, когда мы отнимали у них птенцов, мы брали их сотнями ежедневно, переносили, сколько могли, на площадку перед хижиной, сдирали с них кожу, потрошили их и развешивали для просушки на солнце. Воздух на острове был до такой степени чист, что не могло быть никакого разложения. Таким образом, за последние две недели пребывания птиц на острове мы собирали их достаточное количество, чтобы они могли служить нам пропитанием до следующего их прилета. Как только

птицы высыхали, мы складывали их в один из углов хижины. Эти птицы, можно сказать, были единственным продуктом острова, за исключением рыбы и яиц, которые мы собирали в первое время кладки их. Рыбы было множество: стоило только закинуть удочку с утеса. Едва она успевала опуститься на незначительную глубину, как конец ее был уже схвачен. Надо сказать, что наш способ ловли был так же прост, как велика была прожорливость рыб. Удочка наша сделана была из жил альбатросов (я впоследствии узнал название наших птиц), но так как жилы эти были не более фута длины, то приходилось употреблять несколько штук и соединять узлами. На конце удочки прикреплялась приманка на толстой рыбьей кости. Как ни просто было это устройство, оно вполне отвечало нашим требованиям.

Рыбы были такие большие и сильные, что, когда я был еще мал, товарищ мой не позволял мне самому вытаскивать их, боясь, что они перетянут меня в воду. Когда же я подрос, то стал отлично справляться с ними. Такова была наша пища из года в год. Разнообразия никакого – разве иногда мы жарили рыбу или птиц на угольях, вместо того, чтобы есть их сушеными на солнце. Одеждой нашей мы также были обязаны пернатому племени. Мы сдирали кожу с птиц, не снимая с нее перьев, и шкурки эти сшивались вместе жилами, при чем иголку заменяла рыбья кость. Эта одежда не отличалась особенной прочностью, но климат был настолько хорош, что мы не страдали от холода ни в какую пору года. Я ежегодно сшивал себе новую одежду во время прилета птиц, но к возвращению их от нее оставалось весьма мало; клочки ее можно было найти на скалистых и крутых местах оврага, где мы собирали дрова.

При таком образе жизни, со столь ограниченными потребностями, периодически удовлетворяемыми, – причем один год почти не отличался от другого, – легко можно себе представить, что мысли мои были весьма скудны. Кругозор мой мог бы быть шире, если бы товарищ мой не обладал столь мрачным, угрюмым и молчаливым характером. При данных условиях я смотрел на океан, на небо, солнце, луну и звезды с удивлением, смущенный, боясь задавать вопросы, и все кончилось тем, что большая часть моей жизни уходила на сон. Инструментов, кроме старых, у нас не было никаких, да и те были бесполезны за негодностью; занятий также никаких. Была одна книга, и я часто пытался узнать, что она такое и для чего, но ответа на свои вопросы не получал. Она лежала на полке, и если я пробовал брать ее оттуда, меня прогоняли, так что, наконец, я стал смотреть на нее с некоторым страхом, как на какое-то непонятное мне существо. День проходил в полном бездействии и почти постоянном молчании; за сутки вряд ли произносилось более дюжины слов. Товарищ мой былнеизменно тот же; вечно размышлял о чем-то, что, казалось, постоянно занимало его мысли, и страшно сердился, когда я отвлекал его от них.

Глава II

Читатель не должен забывать, что предыдущие воспоминания относятся к тому времени, когда мне было лет семь или восемь, и к той степени развития, которой я тогда достиг.

Хозяин мой, как называл я его, был небольшого роста, коренастый человек, лет шестидесяти; это я определил впоследствии, также по воспоминаниям и по сравнению.

Волосы его густыми прядями падали на плечи и были в то время еще совершенно темными; борода длиною в целых два фута была очень густая – и вообще все те части тела его, которые представлялись зрению, были сплошь покрыты волосами. Мне кажется, что он обладал большой силой, но ему редко приходилось применять ее к чему-нибудь. За исключением того времени, когда мы собирали птиц или спускались изредка в овраг за хворостом или дровами, он почти никогда не двигался и не выходил из хижины, разве для купанья. Невдалеке от моря, но отделенная от него низкою цепью скал, находилась небольшая лужица соленой воды, приблизительно в двадцать квадратных ярдов величиною. Мы почти каждое утро купались в этом заливчике, так как в нем не было акул. Я плавал, как рыба, с тех пор, как помнил себя, но сам ли я этому научился, или меня выучили – не знаю.

Так проходила моя жизнь. Обязанности мои были незначительны; занятий у меня не было никаких, за неимением каких бы то ни было способов занятия. Я редко слышал человеческий голос и сделался таким же молчаливым, как и мой товарищ. Удовольствия мои были также ограничены. Лежа на скалистом берегу океана, я смотрел в его глубину, следил за движениями его многочисленных обитателей, ночью с изумлением смотрел на звезды, а кроме того, ел и спал. Так проводил я жизнь, без удовольствий и без огорчений. О чем я думал, я не мог бы сказать. Мои понятия и мои познания были слишком ограничены, чтобы дать пищу воображению. Я был немногим выше животного, которое, насытившись вдоволь, ложится на пастбище отдыхать. Единственным источником интереса было подслушивание того, что говорил во сне мой товарищ, и я всегда с нетерпением ожидал наступления ночи, когда мы располагались спать. Целыми часами лежал я с широко открытыми глазами, прислушиваясь к его отрывочным восклицаниям и бормотанию и стараясь понять смысл его слов. Но это редко удавалось мне. Он говорил об «этой женщине», казалось, постоянно видел себя в обществе других людей и произносил несвязные слова, говоря о чем-то, что было им куда-то спрятано.

Однажды ночью, когда луна ярко светила, он приподнялся и сел на кровати, раздвинул перья, на которых лежал, разгреб землю под ними и приподнял какую-то доску; через минуту он опять привел все в порядок и снова улегся. Все это он, очевидно, делал во сне. Наконец-то, нашлась некоторая пища для моего воображения. Я часто слышал, что он говорил во сне о чем-то, что он спрятал – очевидно, оно находилось именно тут. Что же это могло быть?

Считаю нелишним напомнить читателю, что я не только не любил этого человека, но даже чувства мои к нему были весьма недалеки от ненависти. Я никогда не слышал от него доброго слова, не видел хорошего отношения к себе. Резкий и жестокий, он относился ко мне с явным чувством недоброжелательства и терпел меня лишь потому, что я избавлял его от многих забот и труда, а, может быть, и из желания иметь возле себя живое существо. Таким образом, наши чувства друг к другу были вполне обоюдны.

Не знаю, сколько именно было мне лет, когда умерла моя мать, но во мне было живо смутное воспоминание о ком-то, кто ласково и заботливо обращался со мной. Воспоминания эти еще ярче выступали в моих снах. Я часто видел образ, резко отличавшийся от образа моего товарища, фигуру женщины, которая наклонялась надо мною или вела меня за руку.

Когда я чувствовал, что просыпаюсь, я старался продолжить этот сон, закрывая глаза. Я тогда еще не понимал, что эти видения вызывались во мне смутными впечатлениями моего

детства; я не знал, что образ, наклонявшийся надо мной, был тенью моей матери, но я любил эти сны, во время которых кто-то ласково обращался со мной.

Наконец, волею Провидения в моей судьбе произошла резкая перемена.

Однажды, когда мы только что покончили с заготовлением нашего годового запаса морских птиц, я расположился на утесе и занялся устройством моего ежегодного костюма. Для этого надо было соединять кожи птиц и сшивать из них род мешка с отверстием для головы и для рук.

Взглянув случайно на океан, я вдруг увидел на воде что-то большое и белое.

– Посмотрите, хозяин! – сказал я, указывая ему на этот незнакомый мне предмет.

– Корабль, корабль! – воскликнул он.

– А, – подумал я, – так это корабль!

Я вспомнил, как он говорил, что они приехали сюда на корабле. Я продолжал смотреть на океан и видел, как белый предмет внезапно повернул в нашу сторону.

– Что он, живой? – спросил я.

– Ты дурак! – отвечал мой товарищ. – Иди сюда и помоги мне нагромоздить эти дрова, чтобы подать им сигнал. Сходи за водой и вылей ее на дрова: надо, чтобы как можно больше было дыма. Благодарение Богу, наконец, быть может, мне удастся уйти из этой проклятой дыры!

Я ничего не понимал, но принес ему воды в деревянном ковше.

– Мне нужно еще дров! – сказал он. – Корабль идет на нас и наверное подойдет еще ближе!

– Значит, он живой? – сказал я.

– Ступай прочь, дурак! – отвечал старик, ударив меня по голове. – Принеси мне еще дров и воды!

Затем он ушел в хижину, чтобы высечь огонь с помощью куска железа, кремня и сухого моха. Пока хозяин занимался этим, я не спускал глаз с корабля, стараясь понять, что это такое. Он двигался по воде, поворачивая то в ту, то в другую сторону. «Он должен быть живой, – думал я, – что это птица или рыба?»

Пока я наблюдал за кораблем, солнце зашло, и до полной темноты оставался какой-нибудь час. Ветер был небольшой и часто менял направление, чем объяснялись и частые изменения в направлении корабля. Мой товарищ вышел из хижины с добытым огнем, положил его под дрова и стал раздувать его. Дрова скоро разгорелись, и дым поднялся на значительную высоту.

– Теперь они наверно увидят наш сигнал! – сказал старик.

– Значит, у него есть глаза, и он живой? А ветра он не боится? – продолжал я допрашивать, не получив ответа на первый вопрос. – Смотрите, маленькие облака быстро приближаются! – я указал на горизонт, где собирались маленькие тучки, что предвещало, по моим наблюдениям, короткий, но сильный шквал. Такие шквалы обыкновенно налетали раз или два в это время года.

– Да – проклятие! – ответил, наконец, старик, заскрежетав зубами. – Этот ветер отгонит их! Уж таково мое счастье!

Тем временем дым подымался все выше, а корабль подвигался все ближе и ближе, пока не остановился, наконец, на расстоянии приблизительно двух миль от острова. Товарищ мой подлил еще воды, чтобы увеличить дым. На корабле опять подняли паруса, он двинулся и повернул кормой в нашу сторону.

Теперь я уже мог вполне ясно различить людей на палубе. Я старался разобраться в своих мыслях и отдать отчет в том, что такое корабль. Товарищ мой радостно кричал:

– Они видят нас, они видят нас! Теперь есть надежда! Ура! Да здравствует старая Англия!

Он прыгал, танцевал и кружился, как безумный. Наконец, он сказал:

– Я схожу в хижину, а ты смотри, не высылают ли они лодку?

– А что такое лодка? – спросил я.

– Ах, ты, дурак! Смотри хорошенько и, если что увидишь, скажи мне!

– Да, вижу что-то, – ответил я. – Смотрите на шквал, как он быстро идет по воде. А тучи как густо собираются! Будет такой же сильный ветер и дождь, как в предпоследний раз, во время прилета птиц!

– Проклятие! – воскликнул он. – Хоть бы лодку поскорее спустили! – С этими словами он вошел в хижину, и я видел, как он начал копошиться около своей постели.

Я не спускал глаз с надвигающегося шквала; он как бы летел по воде с ужасающей быстротой.

Сначала это была лишь темная линия на горизонте, но линия эта надвигалась, приближалась к кораблю и становилась белой. Поверхность воды оставалась пока еще спокойной. Тучи низко нависли над горизонтом. На корабле, как я понял впоследствии, еще не замечали опасности. Паруса были подняты и хлопали о мачту. Наконец, я заметил небольшой предмет около корабля и догадался, что это именно и должна быть лодка, которую ожидал мой товарищ, но ничего не сказал, наблюдая, какое влияние будет иметь на нее ветер. Я понимал из слов и замечаний моего товарища, что это очень важно. Через некоторое время я увидел, что белые паруса стали исчезать, люди на палубе засуетились, и лодка была поднята обратно. Дело в том, что на корабле не заметили приближающегося шквала, а когда заметили, было уже поздно. Еще минута, и я увидел, как он накренился под страшным давлением урагана, а затем все застлалось густым туманом, и я уже ничего не мог различить.

– Ну, что же, мальчик, – кричал мой товарищ, выходя из хижины, – спустили они лодку?

– Я ничего не вижу за ветром! – ответил я.

В ту минуту, как я произносил эти слова, шквал достиг того места, где я стоял, сбил меня с ног и отбросил к дверям хижины. С ветром хлынул и дождь, который промочил нас до костей. Небо все сплошь покрылось тучами и стало совершенно черное. Молния сверкала по всем направлениям с оглушающими раскатами грома. Я вполз в хижину, в которую с яростью врывались ветер и дождь. Товарищ мой сидел рядом со мной и мрачно молчал. Два часа свирепствовал шквал, не унимаясь ни на секунду. Солнце зашло, и наступила непроницаемая тьма. Сила дождя и ветра была настолько велика, что невозможно было двинуться. Мы оба молчали, закрывая глаза под сверканием молнии и затыкая уши, чтобы не слышать ужасающих раскатов грома. Мой товарищ изредка стонал – от страха ли, не знаю. Я не испытывал страха, так как не понимал опасности и не знал, что существует Бог, который судит и наказывает нас, грешных.

Мало-помалу буря стала утихать. Дождь все еще лил, но с промежутками, и мы уже начинали ясно слышать шум волн, которые ударяли об утесы под нами. Небо также понемногу прояснялось, и мы уже стали различать белую пену воды у берегов. Я выполз из хижины и стоял на площадке, напрягая зрение и стараясь разглядеть корабль. Блеск молнии на минуту осветил его. Он был без мачт, огромные, страшные волны кидали его туда и сюда и несли прямо на утесы, от которых он находился не более, как в четверти мили расстояния.

– Вот он! – воскликнул я.

Молния блеснула и исчезла, оставив меня в еще более непроницаемом мраке.

– Они пропали! – со стоном проговорил старик. Оказалось, что он стоял рядом со мной, чего я и не подозревал до той минуты.

– Теперь уже нет надежды. Проклятие!

Он еще некоторое время продолжал ругаться и проклинать все и вся, как я понял впоследствии. В то время я еще не знал, что означали его слова.

– Вот он! – вновь воскликнул я, когда молния опять на секунду показала мне положение корабля.

– Да, и недолго ему осталось существовать. Через несколько минут он разобьется в щепки, и ни одной души не останется в живых!

– Что такое душа? – спросил я. Старик не отвечал.

– Я хочу пойти вниз к утесам и посмотреть, что там делается! – сказал я.

– Пойди и раздели их участь! – ответил хозяин.

Глава III

Яоставил хозяина и стал осторожно спускаться по утесам, но не успел отойти и пятидесяти шагов, как блеснула страшная молния, и вслед затем раздался пронзительный крик. Я не сразу мог распознать, откуда он доносился, но, остановившись, услыхал, что меня зовет мой товарищ. Я повернул назад и нашел его стоящим на том же месте, где я оставил его.

– Вы звали меня, хозяин?

– Да, я звал тебя. Возьми меня за руку и доведи до хижины!

Я повиновался, внутренне удивляясь его просьбе. Дойдя до постели, он бросился на нее и громко застонал.

– Принеси мне воды! – сказал он. – Скорее!

Я, схватив деревянный ковш, быстро сбегал за водой и принес ему. Он тщательно обмыл лицо и глаза, но через несколько минут бросился назад на постель, и у него вновь вырвался стон.

– О, Господи! Все кончено! – проговорил он, наконец. – Я останусь здесь навсегда и умру в этой проклятой дыре!

– Что с вами, хозяин? – спросил я его.

Он не ответил и продолжал охать и стонать, изредка произнося проклятия. Наконец, он затих, и я опять вышел из хижины.

Буря тем временем прекратилась, и на небе кое-где показались звезды, но сильный ветер продолжал еще дуть, и черные тучи неслись с какою-то зловещей быстротой. Берега острова представляли собой одну массу густой белой пены, которая высоко взлетала на воздух и падала на крутые утесы. Я искал глазами корабль, но его нигде не было видно. Начинало светать; я сел и стал ожидать рассвета. Товарищ мой, по-видимому, заснул или, по крайней мере, лежал молча и без движения. Я чуял, что случилось что-то недоброе, но что именно, не знал и терялся в догадках. Наконец, рассвело; буря быстро утихала, хотя волны все еще с яростью ударяли о скалистые берега. Корабля нигде не было видно. Я спустился по тропинке и подошел настолько близко к краю утесов, насколько позволял сильный прибой волн. Брызги их долетали до меня и обдавали меня водой, но я продолжал идти вперед, пока не дошел до того места, где в последний раз видел корабль. Волны, точно играя, кидали и перебрасывали туда и сюда обломки мачт, бочонки и куски дерева – вот все, что я мог разглядеть. Еще увидел я мачту и корабельную снасть, прибитые водой к самым утесам; они то поднимались высоко на волнах, то вновь исчезали. Я не смел подойти ближе к краю утесов и заглянуть вниз. «Так товарищ мой был-таки прав, – подумал я. – Корабль, действительно, разбился в щепки. Но какой же он был?» Я пробыл около часу на берегу и затем вернулся в хижину. Старик не спал и громко стонал.

– Корабля больше нет! – сказал я. – Ничего от него не осталось, кроме кусков дерева, плавающих по воде!

– Знаю, – ответил он, – но что мне теперь до этого?

– Так зачем же вы так старались разводить дым? Я думал, что корабль вас интересует!

– Да, он интересовал меня. Но теперь – теперь я ослеп, и никогда уже не увижу ни корабля, ни чего-либо другого. Помоги мне, Господи. Я умру, и кости мои сгниют на этом проклятом острове!

– Вы ослепли? Что это значит? – спросил я.

– Молния выжгла мне глаза. Я ничего не вижу, ничего сам не могу делать, не могу ходить, одним словом, я беспомощен, как ребенок. Ты, конечно, теперь бросишь меня, и я умру здесь один, как собака!

– Разве вы меня не видите?

– Нет – все темно, темно, как ночь, и так будет до конца моей жизни!

Он повернулся на постели и снова застонал.

– Я долго надеялся и жил этой надеждой, но теперь она исчезла навсегда, и мне все равно, хоть завтра умереть!

Он приподнялся на постели, повернул ко мне свое лицо, и я увидел, что свет погас в его глазах.

– Принеси мне еще воды! – сердито крикнул он. – Слышишь? Да живо, а не то я тебя!

Но я теперь уже вполне ясно отдавал себе отчет в его положении и понимал, насколько он беспомощен. Чувства мои к нему, как я уже не раз говорил, были далеко не дружелюбные, а резкость и угроза еще больше рассердили меня. Мне было в то время около тринадцати лет. Я был силен и полон отваги. Не раз уже и прежде приходило мне в голову, что пора сбросить с себя ярмо и помериться с ним, и потому, раздраженный его грубостью, я ответил:

– Идите-ка сами за водой!

– А, – сказал он после минутного молчания и глубоко вздохнул, – я, конечно, должен был этого ожидать. Но попадись мне только в руки, и я тебе это припомню!

– Я не боюсь вас, – ответил я, – я так же силен, как и вы!

И действительно это было так. Я уже не раз об этом думал и готов был это доказать.

– В самом деле? Ну-ка, подойди, попробуем!

– Ну, нет, я не такой дурак, как вы думаете. Не то, чтобы я вас боялся, у меня всегда будет в руках топор наготове, а другого вам не найти!

– Жаль, что я не бросил тебя в море, когда ты был ребенком, вместо того, чтобы нянчиться с тобой и растить тебя! – сказал он.

– Отчего же вы не были хоть немного добрее ко мне? С тех пор, как я себя помню, вы всегда грубо обращались со мной; вы заставляли меня работать для вас, но я никогда не слыхал от вас ласкового слова. Многое хотелось мне знать, но вы никогда не снисходили до того, чтобы отвечать на мои вопросы, а лишь обзывали меня дураком и приказывали мне молчать. Вы заставили меня ненавидеть вас и не раз говорили, что ненавидите меня. Сами знаете, что я говорю правду!

– Да, это правда, чистая правда! – произнес старик, как бы про себя. – Все, что он говорит, *я* действительно, делал и действительно ненавидел его, но у меня были на то серьезные причины. Пойди сюда, мальчик!

– Нет! – сказал я решительно. – Довольно я был мальчиком, а вы хозяином; теперь я буду хозяином, а вы мальчиком. И вы увидите, что я сдержу свое слово!

Говоря это, я вышел из хижины. Он кричал мне вслед: «Не оставляй меня», но я не обратил на это внимания и сел на плоский край утеса перед хижиной. Погруженный в думы, я глядел на белые пенящиеся волны и соображал, как мне поступить со стариком. Я не хотел его смерти, – а если бы я бросил его, он неминуемо должен был умереть. Он не был в состоянии достать воды, не свалившись с утеса. Я уже был убежден в его полной беспомощности, но чтобы отдать себе в этом еще более ясный отчет, я встал со своего места, закрыл глаза и попробовал двигаться – по опасному пути, на котором я находился. Я тотчас же убедился в том, что это совершенно невозможно. Итак, он был вполне в моей власти; он, действительно, беспомощен, как ребенок, и должен довериться мне во всем. Я сказал, что буду хозяином, а он слугой, но как же это привести в исполнение?

Ведь я все же должен ухаживать за ним, иначе он умрет. Наконец, меня осенила блестящая мысль.

– А все-таки я буду хозяином, – сказал я себе, – я заставлю его отвечать на все мои вопросы и поделиться со мной всем, что он знает; если же он откажется это сделать, то обречет себя на голодную смерть. Он в моей власти и теперь поневоле должен сделать то, о чем я его так часто просил и в чем он мне всегда отказывал! – И, порешив таким образом, я вернулся к нему в хижину.

– Выслушайте то, что я имею вам сказать! – обратился я к нему. – Я буду добр к вам и не дам вам умереть с голода, но все это с одним условием!

– А именно? – спросил он.

– Я часто обращался к вам с различными вопросами, но вы всегда упорно отказывались отвечать на них – осыпали меня побоями и угрозами, бросали в меня камнями. Теперь выбирайте: или вы будете отвечать на все, о чем я ни спрошу вас, или же я брошу вас на произвол судьбы. Если вы будете делать то, что я хочу, то обещаю вам, что буду во всем вам помогать, в противном случае пеняйте на себя, а я уже не отвечаю за то, что может случиться. Не забывайте, что хозяин теперь я. Выбор же – в ваших руках!

– Что ж, – тихо ответил старик, – это мне наказание свыше, и я должен смириться. Буду делать так, как ты хочешь!

– Ладно! Так вот для начала; я часто спрашивал, как вас зовут и как зовут меня? Надо же мне как-нибудь называть вас, а «хозяином» я вас больше звать не стану; теперь я хозяин. Как ваше имя?

Он застонал, стиснул зубы и с трудом проговорил:

– Эдвард Джаксон!

– Эдвард Джаксон – прекрасно! А мое имя?

– Нет – это имя мне чересчур ненавистно, я не могу его произнести!

– Пусть будет так, – ответил я, – так я ухожу!

– Принеси мне немного воды для моих глаз; они горят!

– Нет, не принесу, пока вы мне не скажете моего имени!

– Франк Генникер – и да будет оно проклято!

– Франк Генникер? Хорошо! – сказал я и добавил: – Теперь я принесу вам воды!

Я вышел, зачерпнул ковшом воды и принес ему.

– Вот вода, Джаксон, – сказал я, – и если вам понадобится еще что-нибудь, позовите меня, я буду здесь недалеко!

– Я завоевал себе власть, – подумал я, – теперь настала моя очередь. Он не любит отвечать, а все же ему придется покориться или же голодать. Отчего он так ненавидит мое имя? Генникер? Что значит Генникер, хотел бы я знать? Он должен мне это объяснить; я заставлю его все сказать мне!

Здесь надо заметить, что чувства жалости и сострадания были мне совершенно чужды. Со мной так дурно обращались, что я знал лишь одно, что сила есть право, и этим правом решил воспользоваться вовсю. Сознание того, что теперь я «хозяин», а он «мальчик», доставляло мне невыразимое удовольствие.

Я стал обдумывать тот «урок», который буду задавать ему на каждый день, и который будет платой за его дневное пропитание. Теперь я хозяин и заставлю его говорить столько, сколько мне захочется. Я так долго был рабом, что чувствовал в себе полную готовность сделаться тираном. Милосердие, сострадание и жалость были мне неизвестны, я никогда их не видел в других и не испытывал сам. Вдруг мне пришла в голову мысль, что недурно было бы изменить течение воды, которая собиралась в углублении на краю утеса, чтобы он не мог доползти до нее сам. Я так и сделал: спустил всю воду из углубления, и теперь старик не мог достать ни капли, не вскарабкавшись для этого наверх, а этого он, конечно, не в состоянии был бы сделать. Пищу он всегда мог получить: сушеная птица вся лежала в углу хижины и перетащить ее оттуда мне было бы трудно. Но что такое пища без воды? Я раздумывал, какой задать ему первый вопрос, и уже решил в своем уме, что потребую от него полного и подробного отчета о том, каким образом судно было прибито к этому острову, кто были мои родители, и почему меня звали Генникер, как вдруг голос Джаксона вызвал меня из раздумья. Он звал меня:

– Мальчик! Мальчик!

– Как бы не так, – подумал я, – нет, я уже не мальчик!

Я ничего не ответил и не отозвался на его зов. Наконец, он крикнул: «Генникер»! – но я уже был рассержен тем, что он продолжал звать меня «мальчиком», и опять не ответил. Наконец, он умолк. Через минуту я увидел, что он сползает с постели и, ощупывая стену хижины, ползет на четвереньках по направлению к углублению, где раньше скоплялась вода. Я внутренне улыбнулся при мысли о его разочаровании. Наконец, он добрался до углубления и опустил туда руку, чтобы зачерпнуть воды. Убедившись в том, что ее нет, он стал браниться, а я смеялся при виде его досады.

Он ощупал путь, по которому стекала вода, и понял, что течение ее изменено; выше он не решился взобраться; тогда он ударил кулаком по камням.

– О, кабы я мог хотя на секунду иметь его в руках, я готов был бы ценою жизни заплатить за такую минуту!

– В этом я не сомневаюсь! – ответил я ему сверху. – Но в том-то и дело, что я не дамся в руки. Ступайте назад в свою постель – живо! – крикнул я, бросив в него камнем, который попал ему в голову. – Дурак! Ползите назад, да как можно скорее, а не то я размозжу вам голову. Надо же как-нибудь укротить вас, как вы бывало говорили мне!

Удар в голову, по-видимому, одурманил его; на минуту он как бы потерял сознание, но затем пришел в себя, пополз обратно в хижину и бросился в постель, громко застонав.

Глава IV

Я сошел к берегу моря посмотреть, не осталось ли чего-нибудь после крушения корабля. Поверхность воды была спокойна, и волны не разбивались более об утесы. Кроме обломков дерева, я ничего не увидел, пока не дошел до той лужи, где мы обыкновенно купались. Тут я заметил, что море прибило туда два предмета – небольшой бочонок и ящик, по-видимому, сундук, принадлежавший кому-нибудь из матросов. Что это были за вещи, я в то время не понимал; – прошу читателя не забывать, что большая часть этого рассказа составлена по позднейшим соображениям. – Бочонок глубоко врезался в песок, и я не мог его сдвинуть с места; ящик же плавал на поверхности воды; я вытащил его на берег без особенного труда и тотчас же приступил к открытию его. Это не сразу удалось мне, так как я никогда в своей жизни не видал замка; но, наконец, заметив, что крышка была единственною частью сундука, которая поддавалась напору, я с помощью куска камня взломал его. Я нашел в нем множество матросской одежды, на которую не обратил внимания, но были и некоторые другие предметы, значение которых я тотчас же понял и при виде их пришел в неописуемый восторг. Я вынул оттуда три совершенно новых оловянных кастрюли, три пустых бутылки, молоток, стамеску и бурав, некоторые другие инструменты, три или четыре удочки. Но особенно обрадовался я двум ножам. Один из них – американский, длинный – в ножнах; другой с ремнем для ношения вокруг пояса. Года три-четыре тому назад у Джаксона еще сохранялся остаток складного ножа, т. е. кусок лезвия его, и как ни плох он был, мы, при нашем убожестве, страшно дорожили им. Однажды во время ловли рыбы он положил этот нож на утес и, вытаскивая удочку, зацепил его и уронил в море. Потеря эта страшно огорчила старика; он долго не мог утешиться. Этим ножом мы обыкновенно вскрывали птиц, чтобы потрошить их, и вообще постоянно его употребляли. Я тотчас же оценил всю пользу своей находки. Сундук был совершенно полон. Я вытащил из него все, что в нем находилось и разложил для просушки на утесы. Многие из этих предметов были мне совершенно незнакомы, я не знал их употребления и лишь впоследствии оценил их по достоинству. Были тут, между прочим, две книги, но, помня строгий запрет дотрагиваться до той, которая лежала у нас в хижине, я смотрел на них с некоторым ужасом и долго не решался взять их в руки; но, наконец, положил их со всем остальным для просушки на утесы. Я ощупал ножи – лезвие было острое. Я надел через плечо ремень, на котором висел складной ножик, а огромный и внушительный американский нож прикрепил к поясу, затем направился к хижине. Ночь уже надвигалась; на небе ярко светила луна. Джаксон лежал на постели; услыхав мои шаги, он спросил меня тихим голосом, не принесу ли я ему воды.

– Нет, не намерен! – отвечал я. – Я не забыл того, что вы мне говорили и как грозили отомстить мне, если я попадусь вам в руки. Я справлюсь с вами! – кричал я. – Я теперь хозяин, в этом вы скоро убедитесь!

– Так и будь им, – сказал он с досадой, – но это не причина не давать мне воды. Разве я когда-нибудь лишал тебя воды?

– Вам не приходилось ходить за ней, – возразил я, – этого вы бы, конечно, для меня не сделали. Если бы я теперь был слеп, а не вы, и был бы вам бесполезен, вы бы пальцем не пошевелили, чтобы не дать мне умереть. Вы потому только и позволяли мне жить, что я на вас работал, да еще в придачу жестоко били меня. Теперь моя очередь. Вы теперь «мальчик», а я «хозяин»!

Читатель не должен забывать, что я не понимал значения слова «мальчик», – для меня оно было противоположностью слову «хозяин» и значило не более, как «раб».

– Пусть будет так, – спокойно ответил Джаксон, – я не долго буду нуждаться в воде!

Спокойствие его показалось мне подозрительным. Я хотя и улегся на свою постель, как раз напротив Джаксона, но спать мне не хотелось, и я лежал с открытыми глазами, думая обо

всем происшедшем. Под утро я услыхал легкий шорох. Я лежал, повернувшись лицом к старику, и мог наблюдать за ним, не сделав для этого ни одного движения. Я видел, как он осторожно слез с постели и ползком направился медленно и бесшумно в мою сторону.

– Ага, – подумал я, – тебе хочется забрать меня в руки, ну-ка, подойди! – Я тихо вытащил американский длинный нож, заранее улыбаясь при мысли об удивлении Джаксона. Я дал ему подойти совсем близко ко мне, и когда он, осторожно ощупав край моей постели, протянул руку, чтобы схватить меня, захватил левой рукой его правую и полоснул ножом кисть руки так глубоко, что почти отсек ее. Он громко вскрикнул от боли и удивления и упал навзничь.

– У него есть нож! – воскликнул он, поддерживая наполовину отрезанную кисть руки другою рукою.

– Да, у него есть нож, и, как видите, он умеет владеть им! – ответил я. – Что же, не попробуете ли вы еще раз подойти, или вы теперь окончательно убедились в том, что я «хозяин»?

– Если в тебе есть хоть капля жалости и милосердия, то убей меня скорее! – сказал он, сидя на полу посреди хижины, освещенной ярким светом луны.

– Жалость и милосердие! – сказал я. – Что это такое, я никогда о них не слыхал!

– Увы, – ответил он, – ты прав! Я никогда не жалел тебя и не выказывал тебе ни милосердия, ни сострадания. Настал день Божьего суда надо мною – суда за тяжкие грехи мои! Господи, помилуй меня! Я потерял зрение, теперь и правая рука моя стала бесполезной, как и глаза! Что же еще со мною то дальше будет, Господи!

– Дальше? Дальше будет то, что вы потеряете и другую руку, если еще раз вздумаете напасть на меня! – сказал я.

Джаксон ничего не ответил; он попробовал доползти до своей постели, но, ослабев от потери крови, без чувств повалился на пол. Я взглянул на него и, убедившись в том, что он не в состоянии вновь на меня напасть, повернулся и заснул глубоким сном. Часа через два я проснулся и увидел, что Джаксон все еще лежит на полу на том же месте. Я подошел к нему и стал осматривать, спит он или умер. Он лежал посреди целой лужи крови. Я ощупал его, – он был совершенно теплый. На руке зияла страшная рана. Я подумал, что он может умереть, и я ничего не узнаю. Мне вспомнилось, что он не раз перевязывал и себе, и мне порезы, чтобы остановить кровь. Я взял горсть перьев из постели, наложил их на рану и затем перевязал ему кисть руки куском бечевки, затем принес воды и влил ему в горло. Он очнулся и открыл глаза.

– Где я? – спросил он едва слышным голосом.

– Где вы? Да в хижине! – ответил я.

– Дай мне еще воды!

Я дал ему, так как не хотел, чтобы он умер. Мне нужно было, чтобы он жил и был в моей власти. Выпив воды, старик с трудом приподнялся и пополз к своей постели. Я оставил его и пошел купаться.

Читатель, вероятно, подумает: «Что за отвратительный мальчик; он ничуть не лучше своего товарища!». Оно так и было в действительности, но не надо забывать, что воспитание сделало меня таким. С тех пор, как я себя помнил, меня били, щипали, бранили, всячески злоупотребляли мной и мучили меня. Я никогда не знал ласки и доброты. Недаром же я спрашивал, что такое жалость и сострадание. Лучшие стороны моей природы никогда не были затронуты, никто не старался пробудить их во мне. Жестокость, угнетение, ненависть и мщение – вот все, что видел я на коротком веку своем.

Не удивительно поэтому, что когда наступил мой черед, я поступил так, как поступали со мной. Джаксону не было извинения – я же имел некоторое право на месть. Он знал, что есть добро, я этого не знал. Я руководствовался мелкими чувствами моего мелкого миросозерцания. Я никогда не слыхал о сострадании, прощении, милосердии и любви к ближнему. Я не знал о существовании Бога, знал лишь одно, что сила есть право, и самым живым чувством во

мне была жажда мщения и сознание могущества и власти. Выкупавшись, я снова осмотрел все вещи, вынутые из сундука. Я посмотрел на книги, но не дотронулся до них.

– Я должен узнать, что они означают, – подумал я.

Жажда знания была развита во мне не по годам, что объясняется тем, что запретный плод всегда кажется нам наиболее сладким. Джаксон неизменно отказывался отвечать на все мои вопросы, и это только усилило во мне непреодолимое желание все знать и все понимать.

Глава V

Три дня пролежал Джаксон на постели. Я приносил ему воды, но от пищи он упорно отказывался. По временам он громко стонал и постоянно говорил сам с собой. Я слышал, как он просил прощения у Бога за свои грехи. На третий день он, наконец, заговорил:

– Генникер, я очень болен, у меня начинается лихорадка от раны, которую ты мне нанес. Я не говорю, что не заслужил этого, знаю, что обращался с тобою дурно и что ты должен меня ненавидеть, но вопрос только в том, желаешь ли ты моей смерти?

– Нет, – ответил я, – я хочу, чтобы вы остались живы и ответили на все мои вопросы!

– Да, – сказал он, – я буду отвечать тебе; я дурно поступал и хочу искупить свою вину. Понимаешь ли ты меня? Я был жесток с тобой, но теперь буду делать все, что ты захочешь, и постараюсь удовлетворить твое любопытство.

– Мне только этого и нужно! – ответил я.

– Знаю, но рана моя гниет; надо обмыть и перевязать ее. Перья только ее растравляют. Сделаешь ли ты это для меня?

Я призадумался, но, вспомнив, что он в моей власти, ответил:

– Да, я это сделаю!

– Веревка причиняет мне боль, надо снять ее!

Я принес воды, развязал веревку, осторожно удалил перья и куски запекшейся крови и тщательно обмыл рану, при этом невольно в нее заглянул, и любопытство мое побудило меня спросить: – Что это за тоненькие белые веревочки, которые перерезаны ударом ножа?

– Это жилы и мускулы, с помощью которых мы двигаем руками, – ответил Джаксон. – Теперь они перерезаны, и я уже не буду в состоянии владеть этой рукой!

– Погодите, – сказал я, вставая, – я что-то придумал!

Я побежал к тому месту, где лежал сундук, взял одну из рубашек, принес ее и, разодрав на полосы, забинтовал ими рану.

– Откуда ты взял полотно? – спросил с удивлением Джаксон.

Я рассказал ему.

– И нож оттуда? – сказал он со вздохом. Я ответил утвердительно.

Когда я кончил перевязку, Джаксон объявил, что ему гораздо легче, и затем сказал:

– Благодарю тебя!

– Что это значит «благодарю»?

– Это значит, что я испытываю чувство благодарности к тебе за то, что ты для меня сделал!

– А что такое благодарность? – продолжал допытываться я. – Я никогда не слыхал от вас этого слова!

– Увы, нет! – ответил он. – Было бы лучше для меня теперь, если бы ты слыхал его. Пойми же меня. Я испытываю к тебе хорошее чувство за то, что ты перевязал мою рану, и готов сделать для тебя все, что только могу. Если бы я не потерял зрения и был бы еще хозяином, как был им неделю тому назад, я не бил бы и не мучил тебя, а постарался бы хорошо с тобой обходиться. Понимаешь ли ты, что я тебе говорю?

– Да, – сказал я, – думаю, что понимаю, и если вы объясните мне все, что я хочу знать, то я поверю вам!

– Я сделаю это, как только немного поправлюсь, теперь я еще слишком слаб; ты должен подождать день или два, пока не пройдет лихорадка!

Успокоенный обещанием Джаксона, я заботливо ухаживал за ним в течение двух дней, обмывал и перевязывал его рану. Он говорил, что чувствует себя лучше, и обращение его со мною было такое ласковое и миролюбивое, что я не сразу мог привыкнуть к такой перемене.

Несомненно, однако, что его кротость имела на меня хорошее влияние. Ненависть моя к нему постепенно исчезала и уступала место более мягкому, и даже нежному чувству, в котором я еще сам не отдавал себе отчета. На третий день утром он первый обратился ко мне.

– Теперь я в состоянии говорить. Что ты желаешь знать?

– Я хочу знать все подробности о том, как мы попали на этот остров? Кто были мои родители, и отчего вы сказали, что ненавидите меня и мое имя?

– Это потребует довольно много времени, – сказал Джаксон после минутного молчания. – Мне легко было бы ответить, если бы не твой последний вопрос. История твоего отца так тесно связана с моею собственною, что мне невозможно рассказать одну без другой. Итак, я начну с того, что расскажу тебе про себя, и таким образом ты узнаешь все, что тебя интересует!

– Так рассказывайте же, но только не говорите неправды!

– Нет, я буду говорить все, как было. Твой отец и я родились в Англии. Ты ведь знаешь, что это твоя родина, и что язык, на котором ты говоришь, английский?

– Я этого не знал. Расскажите мне что-нибудь про Англию!

Я не буду обременять читателя пересказом всего, что говорил мне Джаксон про Англию, а также и бесчисленных вопросов, которые я ему задавал. Ночь наступила прежде, чем он мог мне ответить на все то, что хотелось мне знать. Он жаловался на усталость и, казалось, рад был, наконец, замолчать. Я перевязал ему рану, и он заснул.

Трудно описать впечатление, которое произвел на меня этот внезапный и непрерывный поток слов. Я был как-то странно взволнован и возбужден и много ночей подряд не мог спать. Я должен сознаться, что не всегда понимал значение слов, употребляемых Джаксоном, и, чтобы не прерывать нить его рассказа, часто довольствовался приблизительным пониманием и догадками. Но мысль быстро рождает мысль, и многие слова, которые сначала звучали совершенно чуждыми, становились мне понятными от частого употребления. Первую ночь я как будто опьянел от разговора и не спал до утра, стараясь разместить и запечатлеть в своей памяти все эти новые мысли и понятия. Чувства мои к Джаксону также изменились; я уже не испытывал к нему никакой ненависти или недоброжелательства. Все это уступило место чувству наслаждения, которое он доставлял мне, и я смотрел на него, как на неисчерпаемый и драгоценный источник удовольствия. Изредка, конечно, подымались во мне старые чувства. Забыть их вполне было трудно, но тем не менее я цеплялся за Джаксона и ни за что на свете не согласился бы потерять его, не узнав от него все, что можно было узнать. Когда состояние его раны казалось неудовлетворительным, я беспокоился не менее его самого. Одним словом, можно было ожидать, что мы, в конце концов, сделаемся настоящими друзьями, на почве полной зависимости друг от друга. С его стороны было бы безрассудно относиться враждебно ко мне, от которого зависело теперь все его благосостояние, а с моей стороны враждебность к человеку, открывшему мне новый мир мыслей и впечатлений, также была немыслима.

На второй день утром Джаксон рассказал мне приблизительно следующее:

– Я не готовился быть моряком. Я учился в хорошей школе, а десяти лет поместили меня в торговый дом, где я целыми днями сидел за конторкой, переписывая все то, что мне приказывали. Торговый дом этот занимался большими делами с Южной Америкой.

– Где находится Южная Америка? – спросил я.

– Ты бы лучше не мешал мне рассказывать, – заметил Джаксон, – когда я кончу, ты можешь задавать мне какие угодно вопросы, но если будешь прерывать меня на каждом шагу, я в неделю не дойду до конца моего рассказа. Вчера мы потеряли целый день!

– Это правда, так я и сделаю!

– В конторе, – продолжал Джаксон, – кроме меня, было еще два писаря – главный писарь, которого звали Манверс, и твой отец. Хозяин наш, по имени Эвелин, был очень строг и взыскателен по отношению к твоему отцу и ко мне, ежедневно проверял нашу работу и делал нам замечания, если что-нибудь было не так. Это создало между нами соревнование, которое

побуждало нас обоих к работе, и оба мы часто заслуживали похвалу. По воскресеньям м-р Эвелин обыкновенно приглашал твоего отца и меня к себе на весь день. Утром мы шли в церковь, а потом обедали с ним. У него была дочь, немного моложе нас годами. Это и была твоя мать. Мы оба со временем, когда стали постарше, начали ухаживать за нею и наперерыв старались угождать и нравиться ей. Трудно сказать, кто из нас имел вначале больше успеха, но все же думаю, что из двух скорее я был ее любимцем первые два года нашего знакомства. Отец твой был по природе серьезен и расположен к задумчивости. Я же, наоборот, полон был веселья и задора, а потому она и предпочитала меня, как более живого и приятного товарища. Мы пробыли около четырех лет в конторе, когда умерла моя мать. Отец мой умер раньше, когда я еще не поступал на службу. По смерти матери оказалось, что моя часть состояния достигла приблизительно двух тысяч пятисот ф. ст., но я еще не был совершеннолетним и ранее, как по истечении года, не мог вступить во владение ими. М-р Эвелин, который в это время был вполне доволен моим поведением, не раз полушутя-полусерьезно говорил мне, что когда мне минет двадцать один год, он позволит мне, если я того пожелаю, вложить свои деньги в его дело. Я так и намеревался сделать и с надеждой смотреть на будущее, мечтая жениться на твоей матери и зажить припеваючи. Не сомневаюсь в том, что все бы это так именно и случилось, если бы я продолжал вести себя прилично. Но раньше, чем я достиг совершеннолетия, я, к сожалению, завел некоторые весьма сомнительные знакомства, стал жить выше своих средств и, что всего хуже, приучился пить и проводил все ночи за кутежами. От этой дурной привычки я и впоследствии никогда не мог отделаться. Она погубила меня тогда и впоследствии губила меня всю жизнь. Мое маленькое состояние не только придавало мне некоторое значение в глазах других, но было причиной того, что я стал очень высокого о себе мнения. Я начал усиленно ухаживать за мисс Эвелин и был весьма благосклонно принят ее отцом, не мог также жаловаться и на отношение ко мне молодой девушки. Что же касается твоего отца, то он был совершенно отодвинут на второй план. У него не было ни состояния, ни каких бы то ни было надежд на будущее, кроме того, что мог он скопить своей бережливостью.

Внимание, оказываемое мне м-ром Эвелином, очень удручало и огорчало твоего отца. Он в то время был не менее влюблен в мисс Эвелин, чем я сам, а про себя могу только сказать, что любовь моя к ней была безгранична, и что она ее вполне заслуживала. Но все мои радужные надежды были загублены моим собственным безумием. Как только стало известно, что я получаю состояние, меня окружили люди, которые наперерыв искали случая быть мне представленными, и я проводил вечера в компании, казавшейся мне верхом изящества, но которая на деле представляла из себя нечто совершенно иное.

Мало-помалу я приучился играть и вскоре проиграл более крупную сумму, чем был в состоянии заплатить. Это принудило меня обратиться к еврею, который дал мне взаймы денег под большие проценты, с условием выплатить их, когда достигну совершеннолетия. Я продолжал играть в надежде вернуть свой проигрыш, и кончил тем, что задолжал еврею около тысячи ф. стерл.

По мере того, как росли мои долги, я становился все бесшабашнее. М-р Эвелин начал замечать, что я провожу бессонные ночи, и что на мне лица нет, что было неудивительно, так как положение мое становилось поистине критическим. М-ру Эвелину был известен размер суммы, которую я должен был получить. Я ожидал, что он предложит мне вложить ее в дело, и ломал себе голову над тем, как объяснить ему, куда и на что я истратил чуть не половину ее. Я понимал, что мнение его о мне резко изменится, и что он никогда не согласится вверить счастье своей дочери молодому человеку, который оказался способным на такую беспорядочную жизнь.

Между тем, любовь моя к ней доходила до обожания. В течение последних шести месяцев, которые предшествовали моему совершеннолетию, я был в ужасном состоянии. Мне казалось, что нет на свете человека несчастнее меня, и, чтобы хоть на время забыться, я предавался

всевозможным излишествам, и редкий день кончался без того, чтобы я не напивался допьяна. Я обдумывал разные хитроумные планы и комбинации, с помощью которых мне удалось бы скрыть свою вину, но в конце концов ничего не мог придумать, а время между тем быстро шло. За несколько дней до моего совершеннолетия м-р Эвелин послал за мной. Он объявил мне, что из уважения к памяти моего отца, который был его другом, он готов позволить мне вложить мой небольшой капитал в его дело и надеется, что я своим хорошим поведением и прилежанием скоро достигну положения серьезного и полезного соучастника его фирмы. Я что-то пробормотал в ответ, – что весьма удивило его, – и он попросил меня объясниться. Я сказал, что считаю капитал свой слишком незначительным, чтобы вкладывать его в такое большое дело, и предпочитаю сначала испробовать какой-нибудь быстрый способ удвоить его; достигнув же этого, с благодарностью приму его предложение.

– Как вам угодно, – холодно ответил он. – Вы, конечно, вправе поступать, как хотите, но советую быть осторожным, чтобы, рискуя всем, не потерять всего!

Сказав это, он удалился, очевидно, очень недовольный и обиженный. Обстоятельства, однако, сложились так, что истина скоро открылась. Как-то раз невзначай в обществе моих товарищей по кутежу я упомянул мимоходом о моем намерении попытать счастье в Вест-Индии. Слух об этом дошел до еврея, у которого я занимал деньги; он подумал, что я хочу уехать из Англии, не уплатив ему, и немедленно отправился в контору г-на Эвелина, чтобы посоветоваться с Манверсом, причем, разумеется, сообщил ему о сумме моего долга. Манверс тотчас же передал весь этот разговор м-ру Эвелину. Наступил день моего совершеннолетия. В этот самый день утром м-р Эвелин позвал меня в свой кабинет и, сделав мне несколько замечаний, на которые я весьма дерзко ответил, объявил мне, что увольняет меня от службы. Дело в том, что он тогда же после первого своего разговора со мной навел обо мне справки и, узнав, что я веду распутный образ жизни, решил расстаться со мной. После первого взрыва негодования, когда улеглась во мне моя злоба, я скоро понял, как много теряю. Чувства мои к мисс Эвелин были горячее и пламеннее, чем когда-либо, и я горько сожалел о своем безумии, но вскоре по привычке снова прибегнул к пьянству и старался потопить свое горе в вине. Я пытался иметь свидание с мисс Эвелин, но отец ее не допустил этого и по прошествии нескольких дней отправил ее гостить к родственникам в деревню.

Я вложил свои деньги в одно довольно выгодное дело по винной торговле, и если бы мне удалось воздержаться от пьянства, мог бы в короткое время действительно удвоить свой капитал, как я тогда говорил м-ру Эвелину. Но я уже давно стал отъявленным пьяницей, а когда дело доходит до этого, тогда все проиграно раз навсегда.

Дела мои понемногу расстроились; товарищ мой по фирме потребовал, чтобы они были приведены в ясность, и оказалось, что из 1 500 ф. стерл. у меня осталось не более 1 000. Я решил попытать счастья в морском деле, заручился долей в торговом судне и сам ушел на нем в море. Через некоторое время я стал достаточно опытным, чтобы самому взяться за управление судном, и тут опять могла бы быть удача, если бы не моя несчастная привычка к пьянству. Я заболел, пока мы были на острове Цейлон, и меня оставили на берегу. Судно потерпело крушение, и так как я не позаботился о том, чтобы застраховать свою часть, то оказался совершенно разоренным. Долго я боролся, но тщетно – пьянство было моим проклятием, моей пагубой, камнем, который висел у меня на шее и тянул меня ко дну. Жизнь дала мне все – способности, хорошее воспитание, энергию, – одно время даже деньги, – и все напрасно. Я падал все ниже и ниже: из капитана корабля превратился в шкипера, затем в подшкипера и, наконец, в пьяного матроса. Вот моя история в кратких чертах. Завтра я расскажу тебе, как и при каких обстоятельствах мы снова встретились с твоим отцом, и что произошло затем – вплоть до настоящего времени.

Но я был слишком ошеломлен и смущен всем слышанным, чтобы согласиться на это.

– Нет, нет, – сказал я, – я теперь помню все, что вы мне говорили, но многого не понимаю. Вы должны прежде всего ответить на все мои вопросы и объяснить мне значение слов, которых я никогда прежде не слыхал. Я не знаю, что такое деньги, игра и многое другое, о чем вы говорили, но все помню и могу повторить каждое слово. Завтра вы должны мне все объяснить, а затем уже можете продолжать свой рассказ!

– Хорошо, – ответил он, – мне это безразлично, я вовсе не испытываю желания приступить к подробному рассказу о твоем отце и обо мне самом.

Глава VI

Мне трудно передать то впечатление, какое производили на меня разговоры с Джаксоном. Представьте себе узника, которого вывели бы из тюрьмы и привели прямо в сад, наполненный цветами и фруктами, о существовании которых он до тех пор не имел никакого понятия. Он, вероятно, испытал бы чувство, подобное тому, которое испытывал я, – чувство удивления, восторга и радости. Все было ново для меня, все меня волновало и приводило в трепет, но в то же время многое было мне непонятно. С каждым днем, однако, познания мои увеличивались, а с ними являлись и новые впечатления и мысли. Многое, конечно, я понимал по-своему и, так сказать, теоретически.

Я мог лишь с помощью воображения представить себе тот или другой предмет. Когда же дальнейший опыт заставлял меня приходить к заключению, что представления мои неправильны, то я менял их, основываясь уже на действительности. Таким образом, мне открывался целый новый мир, полный неизвестности и захватывающего интереса. Человеку, выросшему и получившему образование в культурной стране, легко на основании книг и описаний составить себе верное понятие о вещах и людях, дотоле ему неизвестных; он уже видел многое, подобное тому, о чем ему говорят. Я был в несколько ином положении. Я ничего не видел, кроме моря, утесов и морских птиц, и у меня был один лишь товарищ. В этом и заключалось главное для меня затруднение, которое исчезло только тогда, когда я познакомился с людьми и с культурой. Но эти затруднения лишь удваивали во мне жажду знания. От природы я был смышлен, обладал удивительной памятью, и всякое новое понятие и представление приводило меня в восторг.

У меня явилась цель в жизни, которой раньше не было, и мне кажется, что, если бы источник знаний, мыслей и впечатлений внезапно иссяк, я бы сошел с ума от горя и отчаяния. Несколько дней прошло, прежде чем я попросил Джаксона продолжать свой рассказ, и в течение всего этого времени мы жили в большом согласии и дружбе. Обманывал ли он меня и сдерживался до удобного случая отомстить мне, или же беспомощное его состояние смягчило его, – трудно было решить. Он как будто начинал ко мне привязываться, но я все время держался настороже, хотя и не имел уже причины особенно бояться его.

Рана его зажила, но рука осталась совершенно беспомощной, так как связки все были перерезаны. Когда я, наконец, попросил его продолжать, он рассказал мне приблизительно следующее:

– Я переходил с одного судна на другое, причем меня обыкновенно увольняли за пьянство, и, наконец, попал на корабль, который шел в Чили. Пробыв там около года, мы собирались плыть обратно с грузом. Перед окончательным уходом мы бросили якорь около Вальдивии, так как нам надо было забрать некоторые товары в этом порту.

Когда мы кончили нагрузку, капитан объявил нам, что согласился принять на борт двух пассажиров, мужа и жену, которые отправлялись в Англию.

Им очистили каюту, и когда все было готово к их приему, под вечер, выслали лодку, чтобы привезти их багаж. Я выехал с лодкой, рассчитывая получить на водку, и не ошибся: нам выслали четыре доллара. Мы немедленно пропили их в ближайшем трактире, и все более или менее напились пьяны.

Решено было, что мы сначала перевезем багаж и затем вернемся за пассажирами. Корабль уходил в море рано утром. Мы отплыли с багажом, но когда я взошел на корабль, то был до такой степени пьян, что капитан не пустил меня обратно на берег. Затем я уже ничего не помнил до следующего утра. Прошло уже несколько часов со времени поднятия якоря, и берег быстро исчезал, когда пассажир вышел на палубу, где я в это время был занят складыванием снастей. Я взглянул на него и тотчас же узнал в нем твоего отца. Прошло немало лет с тех пор,

как мы расстались; из юноши он превратился в зрелого человека, но лицо его мало изменилось. Он, и никто иной, стоял передо мной. Из него, очевидно, вышел человек с некоторым весом и положением, а я? – Что вышло из меня? – Пьяный матрос! Я всей душой надеялся, что он не узнает меня. Вскоре он опять спустился в каюту и вернулся оттуда в сопровождении своей жены. Я с любопытством взглянул на нее и узнал в ней ту самую мисс Эвелин, которую я когда-то так страстно любил и потерял по собственной вине. Я чувствовал, что еще минута, и я сойду с ума. Пока они стояли на палубе, наслаждаясь чудной погодой и свежим морским ветерком, к нам подошел капитан. Я так был взволнован и смущен своим открытием, что совершенно не отдавал себе отчета в том, что делаю, и, должно быть, казался страшно неловким, так как капитан обратился ко мне со словами:

– Джаксон, что ты делаешь, пьяная бестия? Должно быть, не протрезвился еще?

При звуке моего имени родители твои взглянули на меня и, когда я поднял голову, чтобы отвечать капитану, стали пристально меня разглядывать. Затем они начали шепотом разговаривать друг с другом и, наконец, обратились к капитану с каким-то вопросом. Я не мог расслышать того, что они говорили, но, конечно, догадался, что речь идет обо мне. Очевидно, они или узнали меня, или, во всяком случае, заподозрили, что это я. Я готов был провалиться сквозь землю и почувствовал прилив страшной ненависти к твоему отцу, от которой впоследствии уже никогда не мог отделаться, и которая преследовала меня до самой его смерти.

Я не ошибся. Отец твой, действительно, узнал меня и на следующее утро подошел ко мне со словами:

– Джаксон, мне жаль видеть вас в таком положении; верно, вам очень не повезло, иначе вы бы никогда до этого не дошли. Доверьтесь мне и расскажите все, что с вами было. Мне, быть может, удастся по возвращении в Англию помочь вам; я был бы сердечно рад быть вам чем-нибудь полезным!

Ответ мой был весьма нелюбезен.

– М-р Генникер, – сказал я, – вам, по-видимому, посчастливилось в жизни, и потому вы можете себе позволить роскошь жалости и сострадания к тем, кому судьба не улыбнулась. Но в нашем обоюдном положении жалость является чем-то вроде торжества, а предложение помощи – чем-то вроде оскорбления. Я совершенно доволен своим положением, а если бы и желал изменить его, то, во всяком случае, не прибегнул бы к вашей помощи. Я честно зарабатываю свой хлеб. Желаю и вам того же. Кто знает! Обстоятельства наши еще могут измениться!

Сказав это, я повернулся и ушел с сердцем, напитанным горечью и злобой. С этой минуты он уже не заговаривал со мной и делал вид, что не замечает моего присутствия, но капитан стал еще строже относиться ко мне, и я, конечно, без всякого основания приписывал это влиянию твоего отца.

Мы подходили к мысу Горн, когда нас настиг ураган, налетевший с юго-востока, который, в конце концов, привел наш корабль к гибели. В течение нескольких дней мы боролись с ним, но судно наше было старое и начало давать течь, так что пришлось идти по ветру, что мы и делали в течение нескольких дней. Наконец, мы очутились среди этих островов, и, чтобы не натолкнуться на скалы, должны были опять идти против ветра.

Течь увеличивалась, и судно наше быстро залило водой. Нам пришлось покинуть его ночью, второпях, ничего не успев захватить с собою. Мы оставили на нем трех матросов, которые там погибли. С Божьей помощью удалось нам направить нашу лодку к отверстию в скалах, здесь, внизу, это было единственное место, где мы могли причалить. Теперь я остановлюсь и отдохну, так как мне еще много надо рассказать тебе.

– Хорошо, – сказал я, – а я тем временем пойду вниз и принесу вам ящик с вещами. Вы мне объясните их назначение.

Я ушел и вернулся с одеждой и бельем. Тут было восемь пар панталон, девять рубашек, две пары синих панталон и две куртки, несколько пар сапог и чулки. Джаксон ощупал их по очереди руками и объяснил мне их употребление.

– Отчего бы вам не надеть что-нибудь из этого? – сказал я.

– Если ты позволишь мне, я с удовольствием надену! – ответил он. – Дай мне парусиновую куртку и штаны!

Я подал ему эти вещи и пошел за остальными. Когда я вернулся, на нем уже было новое платье.

– Теперь я чувствую себя одетым по-христиански! – сказал он.

– По-христиански? – переспросил я. – Что это значит?

– Со временем я объясню тебе, – ответил он, – давно, давно я не чувствовал себя так хорошо. Что же ты еще принес?

– Вот, – сказал я, – что это такое?

– Это – кусок парусины, из которой делают куртки и штаны. Это пчелиный воск!

Затем он объяснил мне значение других предметов.

Тут были иглы, какие обыкновенно употребляют матросы, рыболовные крючки, удочки, писчая бумага и два пера.

– Все это неоценимо, – сказал Джаксон, – и очень увеличило бы наше благосостояние, если бы я не был слеп!

– Там есть еще вещи, – сказал я, – я сейчас принесу их.

На этот раз я уложил все оставшиеся вещи в сундук и притащил его. Нести такую тяжесть, взбираясь по скалам, было очень трудно, и я сильно запыхался.

– Теперь я все принес, – сказал я, – это что такое?

– Это подзорная труба, но, увы, я слеп. Во всяком случае, я научу тебя, как употреблять ее.

– Вот две книги! – сказал я.

– Дай-ка их сюда, я ощущаю их, это, наверное, Библия, судя по размеру ее, а это, вероятно, молитвенник.

– Что значит Библия и молитвенник?

– Библия есть слово Божие, а молитвенник учит, как нужно молиться Богу!

– Но что такое Бог? Я часто слышал, как вы говорили «О Господи», но кто Он такой?

– Я скажу это тебе сегодня, когда мы будем ложиться спать! – серьезно ответил Джаксон.

– Хорошо, я вам напомню!

– Посмотрите, я нашел в ящике еще коробочку, наполненную разными маленькими вещами, шнурочками и жилами.

– Дайте-ка пощупать! Это иголки и нитки. С помощью их можно шить и чинить одежду, они нам пригодятся!

Наконец, мы окончили осмотр всего, что было в сундуке.

Стеклянные бутылки смущали меня. Я не понимал, из чего они сделаны, но бережно уложил их со всем остальным в сундук и отодвинул его в дальний угол хижины.

В этот вечер, перед сном, Джаксон объяснил мне, что такое Бог; но так как это было лишь началом нескольких бесед на эту тему, то я не буду обременять читателя пересказом того, что происходило между нами. Джаксон казался очень грустным и смущенным после этих разговоров. Он молился и бормотал что-то про себя.

Глава VII

На следующий день я уже не просил Джаксона продолжать свой рассказ о моих родителях. Я заметил, что он этого избегал, а во мне уже произошла знаменательная перемена: я начинал относиться с уважением к его чувствам и желаниям. К тому же меня теперь занимал другой вопрос, а именно: возможно ли выучиться читать по тем книгам, которые я нашел в ящике. Это было первое, с чем я обратился к Джаксону на следующее утро.

– Это невозможно! – ответил он. – Я слеп, как же я буду учить тебя?

– Неужели нельзя найти какой-нибудь способ? – спросил я.

– Дай-ка подумать. – Во всяком случае можно попробовать. Ты помнишь, какую из двух книг я назвал молитвенником?

– Конечно, помню – ту, маленькую тонкую!

– Принеси ее сюда. Теперь, – сказал он, когда я вложил ему в руки книгу, – скажи мне, есть ли посредине страницы черта и слова, и буквы по бокам ее?

– Да, – ответил я, – на каждой странице, как вы называете ее, есть черта посредине, а слова и буквы, вероятно, по бокам ее!

– А между буквами есть такие, которые больше других, главным образом, на левой стороне страницы?

– Да, есть!

– Хорошо. Теперь я открою книгу, приблизительно на том месте, где должны быть утренние молитвы, а ты мне скажи, можешь ли ты указать мне часть страницы, которая начиналась бы с большой, круглой буквы, наподобие – как бы тебе объяснить – дна кастрюли?

– Да, на той странице есть такая буква, – совсем круглая!

– Прекрасно! Теперь достань мне маленькую палочку и заостри ее конец!

Я исполнил желание Джаксона, и он очистил небольшое место на полу посреди хижины.

– Теперь, вот в чем дело: есть много молитв, которые начинаются с круглого O, и потому мне сперва надо убедиться, та ли это, которая мне нужна? Если та, то я знаю ее наизусть, и по ней могу научить тебя всем буквам алфавита!

– Что такое алфавит?

– Алфавит есть известное количество букв, придуманных для того, чтобы с помощью их читать и писать. Всех их двадцать шесть. Теперь смотри сюда, Франк, похожа ли следующая буква на этот рисунок? – и он начертал на земле букву U…

– Да! – ответил я.

– А следующая похожа ли на это? Он стер первую букву и нарисовал R.

– Да, верно!

– Хорошо. Чтобы быть вполне уверенным, что я не ошибаюсь, буду продолжать. Our – это одно слово; после него есть маленький промежуток и затем стоит F?

– Да! – ответил я, глядя на нарисованную букву и сравнивая ее с буквой в книге.

– В таком случае, все идет хорошо. Но для большей верности мы будем продолжать еще немного.

Джаксон тем же способом составил слово «Father».

– Теперь с помощью этой молитвы «Our Father» (Отче Наш) я могу научить тебя всем буквам, и если ты будешь внимателен, то научишься читать!

Все утро прошло в том, что Джаксон называл мне буквы, и скоро я знал их все наизусть. В этот день мы прошли весь «Отче Наш», и так как я запоминал не только буквы, но и слова, то к вечеру мог повторить всю молитву.

Я прочел ее раз двадцать, складывая по слогам каждое слово, пока не дошел до совершенства. Это был мой первый урок.

– Отчего вы назвали эту молитву молитвой Господней?

– Потому что, когда ученики спросили Иисуса Христа, как им обращаться к Богу, он научил их этой молитве!

– Но кто же был Иисус Христос?

– Он был Сын Божий, как я уже сказал тебе вчера, и вместе с тем равный Ему!

– Как мог он быть равным Богу, если Он послал Его на землю, чтобы быть распятым, как вы сказали вчера?

– Он умер по своей воле, но все это тайна, которую ты еще не можешь понять!

– А вы ее понимаете?

– Нет, я только знаю, что это есть истина, которую ни я, никто другой из обыкновенных смертных не в состоянии вполне понять. Скажу тебе откровенно, что в этих вопросах я плохой учитель. Я мало думал о них, и что касается религии, то могу дать тебе лишь некоторое, весьма поверхностное понятие о ней, так как сам далеко не все знаю!

– Но я помню, вы говорили, что люди будут или наказаны, или вознаграждены после смерти, смотря по тому, какую они вели жизнь на земле – хорошую или дурную, а чтобы вести хорошую жизнь, люди должны веровать в Бога и исполнять Его заповеди!

– Я это сказал и сказал правду, но сам я вел дурную жизнь и не следовал Заповедям Божиим.

– Значит, вы будете наказаны после смерти?

– Увы, дитя, боюсь, что да! – сказал Джаксон, закрыв лицо руками. – Но время еще не ушло! О, Господи! Как избегнуть кары!

Я хотел продолжать разговор, но он просил меня оставить на время его одного.

Я вышел, сел на утес и стал глядеть на звезды. Они созданы Богом, и все сотворено Богом, и Бог живет там – за звездами.

Я долго думал и был в большом недоумении.

Я, наконец, в первый раз услыхал о Боге и то, что говорил мне Джаксон, только смутило меня. Я попробовал повторить про себя молитву и убедился в том, что не забыл ее. Тогда я стал на колени, устремил взор на одну, особенно большую и яркую звезду, как бы видя в ней Бога, и произнес вслух «Отче Наш», затем встал и пошел спать.

Это была моя первая молитва.

Я научился за последнее время столь многому, что с трудом мог запомнить все, что слышал от Джаксона. В голове моей все путалось; мысли переходили от одного к другому, и в результате получался полный хаос. Со временем я начинал разбираться в своих мыслях, и понемногу все стало яснее. Но в эту минуту я весь был поглощен желанием научиться читать. Рассказ Джаксона о моих родителях перестал занимать меня, и я уже не просил его продолжать. Я хотел прежде всего научиться читать, и все мое внимание было обращено на это.

Я посвящал этому три или четыре часа утром и столько же вечером, и усердие мое никогда не ослабевало. По истечении шести недель я мог свободно читать Библию и молитвенник. Джаксону не приходилось больше учить меня; он был внимательным слушателем; я читал ему каждое утро и вечер главу из Евангелия и Богослужения.

Не могу сказать, чтобы я все понимал, и вопросы, которые я ставил Джаксону, часто затрудняли его; он иногда признавался, что не может ответить на них.

Это происходило, как я понял впоследствии, от его собственного, несовершенного понимания христианской религии. Его представления и понятия о ней сводились приблизительно к следующему: «если ты делаешь добро на земле, ты попадешь в рай и будешь испытывать вечное блаженство; если делаешь зло, то попадешь в ад и подвергнешься смертным мучениям. Христос сошел на землю, чтобы учить нас жить и следовать его примеру, и мы должны беспрекословно верить тому, что написано в Библии».

Вот что служило тогда моим символом веры. Между тем, приближался период прилета птиц, и наши запасы приходили к концу. Мне пришлось оставить книги и приняться за работу. Теперь я понял всю пользу ножей; с помощью их и других вещей, найденных мной в сундуке, я мог работать гораздо скорее.

Связав ворот и рукава парусиновой куртки, я устроил нечто вроде мешка, в котором было гораздо удобнее переносить птиц. С помощью ножа я сдирал с них кожу и потрошил их вчетверо скорей.

Удочки служили мне для развешивания птиц. Работая один, я в тот же промежуток времени заготовлял гораздо большее количество птиц, нежели прежде, когда работал с Джаксоном.

Это дело заняло у меня три недели, причем пришлось работать с утра до вечера. При этом не забывалось о чтении. Джаксон не отпускал меня утром на работы и вечером не позволял мне ложиться спать, пока я не прочту ему своего урока. Наконец, работа была окончена, и во мне вновь проснулось сильное желание услыхать конец рассказа Джаксона. Я сообщил ему об этом. Он, казалось, был не особенно доволен, но так как я упорно настаивал, то волей-неволей старик должен был согласиться.

Глава VIII

– Постарайся меня понять! – начал Джаксон. – Нежелание мое продолжать мой рассказ происходит от того, что я должен говорить с тобою о ненависти, которую я испытывал к твоему отцу. Не забывай, что в молодости мы боролись за обладание одним предметом – я говорю о твоей матери, – и что ему повезло в жизни, а мне нет.

– Я ничего не понимаю в ваших чувствах! – ответил я. – Чем же он обидел вас, женившись на моей матери? Я не вижу тут обиды!

– Да ведь я же любил ее!

– Ну, так что ж, что любили? Я не знаю, что значит любовь, и не понимаю ваших чувств. Расскажите же, что было дальше.

– Ну, хорошо. Я остановился на том, как мы пристали к этому острову. Лодку нашу при этом разбило в щепки, и она стала бесполезна. Нас высадилось восемь человек: капитан, твой отец, плотник, подшкипер, три матроса и твоя мать. В лодке с нами ничего не было, кроме двух топоров, двух ковшей и двух кастрюль. Провизии и воды у нас не было. Первым нашим делом было осмотреть остров в поисках воды. Мы вскоре нашли тот ручеек, который протекает около нашей хижины. К счастью, мы высадились на остров как раз во время прилета птиц; они только что снесли яйца; не будь этого, мы бы погибли с голода.

У нас не было для ловли рыбы ни крючков, ни удочек. Мы собрали множество яиц и сытно позавтракали, хотя есть их пришлось сырыми. Пока мы бегали по всем направлениям, карабкаясь по утесам, чтобы хорошенько осмотреть остров, капитан и твой отец остались около твоей матери. Когда мы вернулись, капитан позвал нас и объявил, что желает с нами переговорить. Он сказал, что для общего благополучия мы должны действовать согласно, и потому необходимо, чтобы один из нас приказывал, а другие слушались. Мы все согласились с его мнением. Тогда капитан посоветовал нам выбрать себе начальника, прибавив, что, будь это на корабле, он сам взял бы на себя командование, но так как мы на берегу, то, по его мнению, следует выбрать Генникера, и что сам он охотно ему подчинится. На это предложение тотчас же согласились плотник, подшкипер, а за ними и матросы. Оставался я, но я тотчас же заявил, что подчинюсь только опытному моряку. Оба матроса, очевидно, были согласны с моим мнением, хотя и дали согласие, так что я надеялся, что они присоединятся ко мне. Отец твой заговорил очень сдержанно, скромно и осторожно. Он сказал, что не чувствует никакого желания принять на себя начальство и охотно подчинится капитану, если это всех удовлетворит. Но капитан и все остальные настаивали на своем, заявив, что такой пьяница и бродяга, как я, не имеет никакого права оспаривать их выбора, и что если мне не угодно оставаться с ними, то я волен идти, куда хочу.

Совещание кончилось тем, что я пришел в ярость и объявил, что ни за что не подчинюсь твоему отцу.

Я схватил один из топоров, но капитан вырвал его из моих рук, сказав, что топоры принадлежат ему и что я могу отправляться, куда мне угодно. Я ушел один к тому месту, где птицы сидели на гнездах, с намерением сделать себе запас яиц. Когда наступила ночь, я лег на гуано и не чувствовал холода. Ураган прошел, и погода была теплее.

На следующее утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я посмотрел в ту сторону, где оставил товарищей, и увидел, что все они усердно заняты работой. Море было спокойно.

Когда корабль пошел ко дну, много предметов всплыло и было выброшено на берег. Капитан и один из матросов собирали доски и обломки мачт и приносили их твоим родителям, находившимся вместе с плотником на том месте, где теперь стоит наша хижина.

Все дружно работали и помогали друг другу. Признаюсь, я позавидовал им и пожалел о том, что поссорился с ними, но не мог примириться с мыслью, что мне пришлось бы подчиниться приказаниям твоего отца, и это помешало мне подойти к ним и извиниться. Я проглотил несколько сырых яиц и сел на солнышко, наблюдая за тем, что они делали.

Вскоре я увидел, что плотник начал свою работу. Остов той хижины, в которой мы теперь живем, окончен был еще до полудня, а затем все они направились к лодке, которая лежала на боку, с пробитым дном. Они разобрали ее на части, вытащили все гвозди и перенесли ее на то место, где стоял остов будущего их жилища. Я видел, что твоя мать также переносила какую-то тяжесть, кажется, это были гвозди, вынутые из лодки. К вечеру одна из сторон хижины была готова. Тогда они развели огонь и приготовили себе ужин из птиц и яиц, собранных накануне.

Одно я совершенно упустил из виду, когда оставил своих товарищей, а именно – необходимость воды для питья. Теперь я заметил, что они завладели единственным источником, найденным до сих пор. К вечеру я уже начал сильно страдать от жажды и спустился в овраг, чтобы поискать, не найдется ли воды в этом направлении. Вскоре я набрел на другой источник, и это меня ободрило; я боялся, что недостаток воды заставит меня сдаться. Я нарезал несколько прутьев в кустарниках на дне оврага, и на следующее утро устроил себе род шалаша, чтобы показать им, что и у меня есть крыша над головой. К ночи следующего дня хижина их была готова. Погода с каждым днем становилась жарче, и я находил очень утомительным лазать два или три раза в день в овраг за каждым глотком воды. Я решил перенести свое жилище на дно оврага.

Я знал, что могу собирать в носовой платок и шапку достаточное количество яиц, чтобы питаться в течение двух или трех дней; так я и сделал. Дня через два шалаш был окончен и оказался очень удобным. Я был вполне доволен и решил, что буду жить отшельником – все было лучше, чем подчинение твоему отцу.

Вскоре выяснилось, как умно поступили мои товарищи, выбрав начальником твоего отца. Они воображали, что птицы останутся на острове и будут служить им постоянным пропитанием. Твой отец, так долго проживший в Чили, был несравненно опытнее. Он знал, что через несколько недель птицы улетят, и указал своим товарищам на то, как необходимо запастись надолго провизией. Он знал, что можно сохранять мясо без соли, как это делают на материке, и научил их сушить птиц на солнце. Таким образом, пока я сидел на дне оврага, они наготовили и насушили птиц в большом количестве. Удочки из птичьих жил были тоже его изобретением; твоя мать сама связывала их. Благодаря твоему отцу, товарищи мои оказались вполне обеспеченными, когда птицы улетели. Я же остался не при чем.

На третий день после отлета птиц я так проголодался, что когда нашел мертвую птицу, то накинулся на нее и с удовольствием съел. Воображая, что товарищи мои находятся в таком же бедственном положении, я стал наблюдать за ними из-за утесов, но не заметил никаких признаков беспокойства. Мать твоя спокойно сидела на пороге хижины и разговаривала с твоим отцом и с капитаном. Двое или трое из их товарищей занимались ловлей рыбы. Я удивился, откуда они достали удочки, но вместе с тем решил, что они, вероятно, питаются исключительно рыбой. Мне это, однако, не помогало – я умирал с голода, а голод победит какую угодно человеческую гордость. На пятый день я подошел к утесу, где один из моряков удил рыбу, и, поздоровавшись с ним, попросил чего-нибудь поесть.

– Я не могу помочь тебе, – ответил он, – потому что не имею права. Обратись к м-ру Генникеру, он теперь начальник. Видишь, как безумно с твоей стороны бунтовать, вот к чему это привело тебя!

– Что ж, если бы не ужение рыбы, вам было бы не лучше моего!

– Ну нет, гораздо лучше: у нас провизии много, и этим мы обязаны м-ру Генникеру. Рыбу мы ловим только на подмогу!

Это меня сильно поразило; но делать было нечего. Я не в состоянии был больше голодать и потому отправился к тому месту, где стояли капитан и твой отец, и с напускным спокойствием объявил им, что я вернулся и хочу присоединиться к моим товарищам. Капитан взглянул на меня и обратился к твоему отцу, который ответил, что без общего согласия он ничего не может сделать и посоветуется со своими товарищами, когда они соберутся к обеду. Я обезумел от голода, который еще сильнее разыгрался при виде двух больших рыб, жарившихся на угольях очага под наблюдением твоей матери. Но делать было нечего; я сел в некотором отдалении, с нетерпением ожидая возвращения остальных и решения моей судьбы. Гордость моя была совершенно уничтожена, и я готов был согласиться на какие угодно условия. Часа через два все собрались к обеду. Я сидел и завидовал каждому куску, который они глотали. Наконец, они кончили, и после непродолжительного совещания с ними отец твой обратился ко мне.

– Джаксон, – сказал он, – вы покинули нас в такую минуту, когда нам приходилось очень трудно. Теперь, когда мы кончили черную работу и устроились довольно удобно, вы хотите присоединиться к нам и разделить с нами плоды наших трудов. Товарищи мои и я пришли к следующему заключению: так как вы не помогли нам, когда мы в вас нуждались, то, присоединившись к нам теперь, вам придется работать больше нас, чтобы наверстать потерянное вами время. Мы примем вас в наше общество, но на одном лишь условии. В течение всего этого года, до прилета птиц на остров, на вас будет лежать обязанность каждый день приносить из оврага столько дров, сколько понадобится. Если вы на это согласны, то можете присоединиться к нам. Само собою разумеется, вы обязаны подчиниться всем правилам, которые выработало наше товарищество. Вот наши условия, теперь решайте, как вам угодно!

Нечего и говорить, что я с радостью на все согласился и еще более обрадовался, когда передо мной поставили остатки обеда. Я ел с такой поспешностью, что чуть не подавился.

Утолив голод, я стал размышлять о поставленных мне условиях, и кровь закипела во мне при мысли, что я как бы стал рабом остальных и должен так много работать ежедневно. Я забыл, что того требовала справедливость и что я лишь буду зарабатывать свою часть пропитания, в заготовлении коего не участвовал. Сердце мое еще более наполнялось горечью и злобой по отношению к твоему отцу, и я поклялся отомстить ему, как только представится случай. Но делать было нечего. Каждый день я брал топор и веревку, нарубал большую охапку дров и приносил ее к хижине. Это была тяжелая работа и занимала все время от завтрака до обеда. Капитан каждый раз осматривал дрова и наблюдал за тем, чтобы я приносил их количество, достаточное на целый день.

Глава IX

Так кончился год, в течение которого я работал, как было условлено. Наконец, снова появились птицы, и когда мы кончили наш годовой запас, меня освободили от возложенного на меня тяжелого труда, и мне осталось только разделить работу других.

Главным предметом наших разговоров был вопрос о том, сколько времени нам придется пробыть на острове. Мы с замиранием сердца смотрели на океан в надежде увидеть корабль, но напрасно. До сих пор нас поддерживала надежда, но по мере того как она исчезала, на лицах появлялось уныние. Твои родители были душой и поддержкой нашего маленького общества. Они придумывали развлечения или рассказывали трогательные истории, чтобы как-нибудь сократить длинные вечера. К твоей матери все относились с большим уважением, которое она вполне заслуживала. Я редко подходил к ней. Она не скрывала своей антипатии ко мне, основанной, я полагаю, на моих отношениях к ее мужу. Теперь, став на равную ногу с остальными, я был весьма с ним дерзок, но он никогда не выходил из себя. Первым выдающимся событием нашей жизни была смерть наших двух товарищей. С разрешения твоего отца, плотник и один из матросов отправились на разведку вглубь острова, захватив с собою провизию на неделю. На обратном пути они почувствовали сильную жажду и, не находя воды, попробовали утолить ее какими-то ягодами. Ягоды эти оказались сильным ядом, и они вернулись совершенно больными. Промучавшись несколько дней, они умерли. Этот случай очень взволновал нас и нарушил однообразное течение нашей жизни. Мы похоронили их под высоким утесом. Через три месяца исчез второй матрос; когда стали его искать, то нашли его одежду на скалистом берегу моря. Очевидно, он купался и утонул: он великолепно плавал, но, вероятно, увлекся и зашел слишком далеко, или же его схватила акула. Теперь нас осталось четверо – твой отец, капитан, подшкипер и я. Но ты, верно, устал, – прервал Джаксон свой рассказ, – я остановлюсь и когда-нибудь в другой раз доскажу тебе конец!

Я хотя и не устал, но, видя, что Джаксон сам утомлен, не возражал, и мы оба легли спать. Когда я читал библию, меня очень смущали цифры; я совсем не понимал, что они значат, т. е. не мог себе представить то количество, которое они выражали. Что значило, например, шестьдесят или семьдесят? Я спросил у Джаксона объяснения по этому поводу.

– Когда-нибудь я объясню тебе, – ответил он, – но так как я слеп, мне нужно иметь что-нибудь в руках, чтобы научить тебя считать.

Вспомнив, что я видел множество маленьких раковин на утесах, близ той лужицы, где мы купались, я набрал их, сколько мог, и принес их Джаксону. С помощью их он научил меня считать до тысячи, а затем приступил к сложению и вычитанию, которые дали мне некоторое понятие и об умножении, и делении. Это занятие было для меня новым источником наслаждения и забавляло меня в течение трех недель. Когда же мне показалось, что Джаксон научил меня всему, чему мог при его слепоте, я бросил раковины и начал мечтать о чем-нибудь новом. Я вспомнил, что никогда не заглядывал в книгу, которая все еще лежала на полке, и спросил у Джаксона, отчего он мне ее никогда не показывал.

– Возьми ее, – ответил он, – ты о ней не спрашивал, а я про нее забыл.

– Но раньше я несколько раз просил вас об этом и вы настойчиво требовали, чтобы я не открывал ее. Отчего?

– Я тебя тогда не любил и думал, что тебе доставит удовольствие разглядывать ее. Вот и вся причина. Она принадлежала тому бедняге, который утонул!

Я взял книгу – это была Естественная История Мавора, насколько я помню. Во всяком случае это была история животных и птиц с картинками и объяснениями. Удивление и восторг мои были неописуемы. Я никогда в жизни не видел картинок, не знал о существовании

таковых. Я поворачивал страницу за страницей в состоянии какого-то опьянения, едва успевая разглядеть их.

Несколько часов подряд я переворачивал листы, не останавливаясь ни на одном из зверей в особенности, но, наконец, немного пришел в себя и начал рассматривать льва. Какой неистощимый источник удовольствия лежал передо мной! Я забросал Джаксона вопросами. Ему пришлось рассказать мне все, что он знал про страны, где водятся эти животные, и описать мне их нравы. Ландшафты, на которых изображены звери, рождали в голове моей новые мысли и впечатления. На одном из них была изображена пальма; я описал ее Джаксону и попросил его рассказать мне про нее. Было уже совсем темно, когда я лег спать, положив свое вновь приобретенное сокровище рядом с собой. Я читал про льва в Св. Писании и теперь все это вспомнил; вспомнил также и о медведе, который съел детей, смеявшихся над пророком Елисеем, и решил, что на следующий день начну чтение с описания медведя.

Книга эта занимала меня в течение двух месяцев; я даже забросил на время Евангелие и молитвенник. Иногда мне казалось невероятным все, что я читал в этой книге, но когда я дошел до описания птиц, посещавших наш остров, то нашел его настолько точным, что более уже ни в чем не сомневался.

Больше всего занимали меня две картинки. Одна из них изображала кур и павлина; на заднем плане ее красовался коттедж, несколько человеческих фигур и пейзаж, представлявший деревенскую жизнь в Англии – моей родине. На другой нарисован был великолепный дом и чудный экипаж, запряженный четверней. Книга эта сделалась моим сокровищем; я прочел ее бесконечное число раз и почти выучил наизусть. За все это время я ни разу не просил Джаксона продолжать свой рассказ, но теперь, когда любознательность моя была до некоторой степени удовлетворена, снова обратился к нему. Он, как всегда, очень неохотно согласился, но я настаивал, – и ему пришлось уступить.

– Итак, – сказал он, – нас осталось только четверо, не считая твоей матери. Здоровье подшкипера было в очень плохом состоянии. Бедняга страшно тосковал. У него осталась в Англии молодая жена, и он, по-видимому, ужасно боялся, что она выйдет замуж, не дождавшись его возвращения. Тоска его кончилась полным истощением, которое через несколько месяцев свело его в могилу. Он умер очень тихо и отдал мне свои запонки и часы с просьбой передать их жене, если мне когда-нибудь удастся вернуться в Англию. Вряд ли она получит их когда-либо!

– Где они? – спросил я Джаксона, вспомнив, как он поднимал доску под своей постелью.

– Они в сохранности, и когда нужно будет, я покажу тебе, где их найти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.